

164452
234491

Б.БЫХОВСКИЙ

ФЕЛЬДФЕБЕЛИ В ВОЛЬТЕРАХ

(ФАШИЗМ и ФИЛОСОФИЯ)

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1943

75 коп.

15

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

04 ЯНВ 2003

I. В ПОИСКАХ ПРЕДКОВ

Наше мировоззрение—плод, созревший на ветвях живого, могучего, великого древа познания, взращенного более чем двухтысячелетними усилиями людей. Оно является результатом творческих дерзаний лучших умов человечества. Оно выстрадано и завоевано в непрестанной борьбе с реакцией передовыми мыслителями многих народов. Оно есть итог, сумма, вывод всей предшествующей истории духовной культуры.

Английская политическая экономия, немецкая классическая философия, французский социализм послужили непосредственными теоретическими источниками научного мировоззрения, достигнутого благодаря русскому гению наивысшего развития и совершенства. То обстоятельство, что *русское* революционное движение дало миру Ленина и Сталина, не в малой мере объясняется глубокими идейно-революционными традициями истории русской общественной мысли. «Пусть читатель вспомнит,—писал Ленин в своей бесмертной работе «Что делать?»,—о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»¹.

Всемирная история знания—такова родословная нашей научной теории.

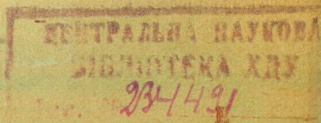
Наше учение есть результат всей предшествующей истории теоретических исканий и достижений, оно выражает *прогрессивные* социальные тенденции, воплощает исторические чаяния и идеалы всего передового, культурного человечества, является залогом грядущих побед разума и условием поступательного движения общества вперед.

А вот они, шавки из подворотни Геббельса, хвастливые пигмеи «Третьей империи»,—кто их духовные предки?

Кто они, эти литературные холопы фашистских погромщиков, бандиты пера, откуда растет их «идеология», чертополох, заглушающий все ростки на ниве культуры?

Они не пришли по столбовой дорожке истории, они не наследники культурных ценностей истории, а взломщики, ворвавшиеся в историю.

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 381.

Они чужды и враждебны как великим заветам европейской культуры, так и лучшим традициям немецкой культуры. Их «идеология» — ядовитый гриб-поганка, отравляющий даже почву, на которой он произрастает.

Именно потому им чужды и враждебны достижения культурно-исторического прогресса прошлых веков, что им ненавистен прогресс грядущих веков. Они враждебны историческому *вчера*, которое не сулит им исторического *завтра*. Им ненавистна закономерная поступь культурного прогресса, которая неумолимо сметет их с лица земли.

Они не являются наследниками античной культуры. Их «философ» Эрнст Крик откровенно об этом заявляет. По его словам, «греческая логика на два тысячелетия сделалась тираном всей Западной Европы, в частности для европейской науки...» Греческая философия повинна во всех смертных грехах европейской научной мысли, ибо от греков именно «ведет свое начало атомистическая механика, равно как и автономный рационализм...»

Они отвергают историческое наследство культуры Возрождения. Этот «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством»¹, как все великое и прогрессивное, невыносим для унифицированных «философов».

Они не являются наследниками культуры «нового времени», утвердившей в XVII—XVIII веках знамя разума, просвещения и прогресса.

Все развитие западноевропейской философской мысли нового времени ими начисто отбрасывается.

Они сторонятся и немецкой классической философии первой половины XIX века, ибо эта философия — законное детище просветительной философии, апофеоз рационалистического мышления.

Но если все предшествующее развитие философии не является источником немецко-фашистской «идеологии», по собственному признанию ее представителей, если все поступательное движение философской мысли от Фалеса до Гегеля было лишь историей грехопадения мысли, то кто же духовные предки фашистских мракобесов, от кого они ведут свое происхождение?

Перед фашистскими «историками философии», наряду с варварским «изничтожением» всех великих мыслителей прошлого и тупоумной фальсификацией истории философии, встает задача: найти «идейных» предшественников гитлеризма, духовных предков Геббельса и Розенберга.

«Социальный заказ» очень нелегкий, ибо отнюдь не в истории идей, а в истории преступлений, не среди мыслителей прошлого, а среди бандитов и злоумышленников, не в анналах истории мысли, а в уголовных архивах следует искать предков и прообразов фашистских громил.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

Задача фашистских «историографов» осложняется тем, что вся иностранная история заранее исключается как возможный источник гитлеровской «идеологии». Духовными отцами «истинно арийских» идеологов германского разбойничьего империализма могут быть лишь представители чистой северногерманской крови.

«Нет такой истины, которая была бы тождественной для германца, китайца, индуса, негра или индейца—также и в математике и в законах природы»,—возвещает Эрнст Крик.

Этим дается, конечно, достаточное «теоретическое обоснование» для свойственного гитлеровцам отрицания того, что «дважды два—четыре», но это крайне осложняет задачу историко-философских генеалогов фашизма.

В самом деле, расовая «теория», святая святых нацистской идеологии,—детище французов Гобино и Ляпужа; французы же—«негроиды». Ведь одного указания на происхождение достаточно для того, чтобы скомпрометировать эту «теорию», ибо происхождение это опровергает ее существо.

✓ А «социальная мифология», кровавый «миф XX века»? Ведь у французского синдикалиста Сореля и итальянского сенатора Парето, у писателей, в жилах которых текла кровь отнюдь не «нордической» расы, «организовал» свое «открытие» Альфред Розенберг.

Нет, уж лучше фашистам промолчать о духовных отцах расизма и «теории социального мифа», лучше им поискать предков каких-либо других составных частей своей дурманологии. Разве мало было в самой Германии реакционеров и мракобесов? Разве трудно разыскать среди прусских зубров прошлых веков «достойного» погромщика и черносотенца?

✓ «Нашли!»—радостно восклицают унифицированные «историки философии». Они нашли идейного предтечу «национал-социализма», достойного духовного отца гитлеризма. Им был *Пауль Лягард*.

Пауль Лягард—«провидец», Пауль Лягард—«великий немецкий мечтатель!»—восклицает «сам» Розенберг.

Вы не знаете, кто такой Лягард? Вы не слышали этого имени? Он не оказал никакого влияния на современников. Он не имел последователей ни при жизни, ни после смерти. Зато, говорит Фриц Гипплер (философский фриц!), «его идейное богатство ожило, когда в послевоенной Германии пробудилось нацистское движение; его идейное богатство обрело обновленную форму и образ...»

✓ С барабанным боем выводит Гипплер на историческую авансцену Лягарда. Он противопоставляет его социальные идеи как кругу идей либерализма в лице Милля, так и кругу идей социализма в лице Маркса. «Ай, моська,» знать она сильна, коль лает на слона!»

За что же извлекли фашисты из небытия старого Лягарда, этого «истинно германского националиста», ревностного поборника «немецкой веры», заменившего, кстати сказать, свою настоящую

немецкую фамилию Беттихер французским дворянским именем де Лягард?

Геттингенский теолог (сам он говорил, что он не филолог, а теолог) Пауль де Лягард (1827—1891), по свидетельству своего биографа Кламрота, «по всей своей индивидуальности не был теоретиком». Разве это не достаточное основание избрать его своим теоретическим предтечей? «В области политической, социально-философской, а тем более юридической он был весьма мало начитан». «У Лягарда,—писал известный германский историк Моммзен,—не было времени—да едва ли он и искал его—для изучения современной, а тем более написанной в прошлые десятилетия политической литературы». Все, как видите, качества, самые подходящие для творца «новой теории».

«Но он был героем,—с пафосом восклицает Курт Кламрот,—героем воли, упорства и заблуждения!»

Итак перед нами «герой» невежества и заблуждения. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы привлечь к нему симпатии философских фрицев. Но симпатии эти имеют более глубокую основу.

Махровое мракобесие—*первое*, что привлекает к Лягарду симпатии варваров XX века.

Лягард сокрушается по поводу того, что «природа сделалась объектом науки: боги и бог покинули ее и уступили ее царство законам».

Исторические события, согласно Лягарду, также не совершаются в силу закономерности, а управляются волей провидения.

«Все действительные состояния,—по убеждению Лягарда,—иррациональны, что значит здесь: противоразумны».

Но ненавистная Лягарду наука—только часть культуры, лишь один из элементов цивилизации, которая должна быть отвергнута в целом.

Лягард полон бешеной злобы к цивилизации и просвещению. «Лучше дрова рубить,—рычит он,—чем вести эту никудышную цивилизованную и образованную жизнь».

«Культура,—пишет он,—не является идеалом ни для отдельного человека, ни для народа. Рекомендовать отдельному человеку или целым нациям культуру в качестве идеала значит позволить им быть без идеала».

«Три вещи являются продуктом нашей образованности: испорченные глаза, тягостное отвращение ко всему, что было, и неспособность к будущему».

В культурном прогрессе Лягард усмотрел лишь «испорченные глаза», но он своими неиспорченными культурой глазами не разглядел того, что наука проникла в сокровенную глубь природы, разглядела в ней недоступные прежним векам ее сокровенные тайны, что научный прогресс не только неимоверно расширяет кругозор в глубь и в даль пространства (микроскоп, телескоп,

спектроскоп, циклотрон и пр.), но благодаря научному предвидению расширяет дали времени.

В культурном прогрессе Лягард усмотрел, далее, «тягостное отвращение ко всему, что было». Но разве не он и иже с ним порывают с историческим путем человеческой культуры, с традициями исторического прогресса, отвергают все прошлые завоевания, приведшие к цивилизации? Разве не он и иже с ним всю предшествующую историю рассматривают как сплошную ошибку, как путь в тупик?

Каждый шаг приобщения германских варваров к культурной жизни—начиная от христианства и кончая Просвещением—был изменой немецкого народа своей «сущности», утверждает Лягард. *Вся история* Германии предается анафеме как сплошное предательство национальных идеалов. Может ли быть более «тягостное отвращение ко всему, что было»?

Наконец, культурный прогресс повинен в том, что он обусловил якобы «неспособность к будущему».

Да, к тому «будущему», которое имеет в виду Лягард, человеческое общество «неспособно», ибо вся предшествующая история подготавливала человечество к другому будущему, и именно потому Лягард и его приспешники не в ладах с историей и ее закономерностью. «Неспособность к будущему», о которой пишет Лягард, это неспособность истории повернуть вспять, даже не к историческому прошлому, а к доисторическому варварству. Обвинение в «неспособности к будущему»—это бессильный лай на историю, которая идет вперед своим путем, растаптывая сопротивление реакции.

«У Варшавы и Фербеллина, у Гросберена и Денвица, так же как и у Седана,—сокрушается Лягард,—никто не думал о Зигфриде и Нибелунгах (не до того было.—Б. Б.), и так же мало думал о них Гете, работая над Вертером и Гецом». Вот оно, то прошлое, которое мило сердцу Лягарда,—варварское, доисторическое прошлое. Зигфрид противопоставляется Гете. А «неспособность к будущему»—это не что иное, как неспособность человечества, породившего Гете, вернуться к варварскому, доисторическому прошлому.

«Консервативны не те,—прямо заявляет Лягард в своей «Программе консервативной партии Пруссии»,—кто сохраняет существующее положение (*status quo*), а те, кто хочет восстановить прежнее положение (*status quo ante*). А восстановить, нечего это скрывать, значит—возвратиться вспять. И мы должны вернуться назад».

Вот оно, «будущее», о котором печется Лягард. И вот за что прежде всего объявляют гитлеровцы Лягарда своим духовным отцом.

Второе, что привлекает к Лягарду симпатии фашистских извергов,—его ненависть к демократии и презрение к народным массам.

«Едва ли есть кто-либо,—говорил он о самом себе,—кто был бы настолько совершенно недемократичен, как я».

«Нация,— провозглашает духовный отец демагогов, именующих себя «национал-социалистами»,—состоит не из массы, а из аристократии духа» (о каком «духе» идет речь, мы уже видели).

Полным презрением, рабовладельческим пренебрежением к народу, к миллионам, составляющим нацию, дышат слова Лягарда. Народные массы для него—ничто.

«Нация—это мы»,—заявляет прусский зубр. Действительная нация, народ для Лягарда—«нули». Несомненное превосходство Лягарда над его нынешними последователями в том, что он откровенно говорит о существе своего «национализма». Его «национализм» глубоко антинационален, враждебен нации, народу.

Лягарду ненавистны все завоеванные народом демократические права и свободы. «Немецкий народ,—огрызается он,—с радостью отбросит парламент, ландтаг, либерализм, прогресс». Республика для него—«совершенно лишенная поэзии и потому самая недостойная человека форма государственной жизни».

Полна «поэзии» и «достойна человека», согласно Лягарду, лишь абсолютная монархия, которую он объявляет «истинно германским институтом». Наследственная неограниченная монархия с «непогрешимым» королем—таков «поэтический» идеал Лягарда. Современная ему германская монархия и охраняющая ее консервативная партия не удовлетворяют его потому, что они для него *недостаточно* реакционны, *недостаточно* «патриархальны», *недостаточно* блюдут феодальные традиции.

Феодальный сословный строй с сильным дворянством—таков лягардовский «поэтический» идеал государственного устройства, «достойный человека». Как не прельститься таким идеологом «социалистам» гитлеровского помета!

Разумеется, политический строй должен соответствовать подобающему экономическому устройству, столь же проникнутому «поэзией».

На этот счет у Лягарда полная ясность мыслей: он хорошо знает, чего хочет. «Оставьте надежды,—пишет он,—избавиться от социального вопроса, или, другими словами, оставьте надежду видеть Германию счастливой до тех пор, пока существует фабричная промышленность (industrie) вместо ремесла».

Надо отдать справедливость Лягарду в том, что здесь он вполне последователен: феодальной политической форме должно соответствовать феодальное экономическое содержание. Вот где во всей красе обнаруживается лягардовская «способность к будущему». Вот он, теоретический источник фашистского «социализма». Вот они, «поэтические» мечты «великого немецкого мечтателя».

И чтобы не оставить никаких сомнений в характере своей социальной «поэзии», Лягард заявляет: «В груди каждого истинного германца таится желание сделаться землевладельцем».

«Национализм», презирующий нацию, и «социализм» крепостника-феодала—таковы составные элементы этой архиреакционной идеологии.

«Это было замечательное время, средневековье»,—со вздохом добавляет Лягард.

Чем не идейный предтеча национал-социалистской «революции»? Фриц Гипплер имеет достаточно оснований заявлять, что идеи Лягарда превращены гитлеровцами в действительность. Он еще скромничает, этот фашистский ублюдок—идеи Лягарда далеко превзойдены фашистской действительностью: самые мрачные годы средневековья, самые страшные проявления средневекового обскурантизма и изуверства бледнеют перед кровавыми злодеяниями фашистских бандитов.

Итак, Лягард оказался достойным предком фашистских громил. В их жилах течет его, лягардовская, крепостническая кровь. Их «национализм», как и их «социализм»,—плоть от плоти его траченых молью «аристократических» идей. Эти «истинно германские» идеи, как две капли воды, похожи на заваляющиеся идеи феодальных реакционеров всех наций.

Однако гитлеровские борзописцы не всю правду говорят о своем духовном отце. Они кое о чем умалчивают, кое-какие «фамильные» темные пятна скрывают. Они предпочитают писать о Лягарде, а не переиздавать самого Лягарда, или издавать его только «выборочно».

И дело не только в том, что откровенный крепостник приоткрывает завесу фашистской демагогии. Дело в том, что за некоторые свои писания папаша Лягард угодил бы прямо в... гиммлеровский застенок. Послушайте только, что он писал о «расизме» и «тоталитарном государстве».

«Нации возникают не путем физического порождения, а в результате исторических событий». «Никто не подумает, поразмыслив немного, рассматривать нации как порождение одного и того же праотца».

Молодчики из министерства пропаганды! Присмотритесь внимательнее к своему духовному отцу. Нет ли в его жилах примеси неарийской крови? Не подлежал ли ваш «отец» кастрации, как «расово неполноценный»?

«Небезызвестно,—продолжает Лягард,—что, например, мы, немцы... в различных местностях едва ли являемся несмешанной германской крови, что кельты, римляне, славяне и, пожалуй, как в некоторых областях Тироля, гунны в такой же мере являются нашими предками, как и гермундуры, ингевоны и искевоны Тацита... Да эта чистота крови нас мало и беспокоит». «Самая чистая германская нация—англичане».

Духовный отец оскорбляет своих сыновей, издевается над ними. Даже для него, старого прусского обскуранта, филолога-ориента-

листа по образованию, «расистская теория» была вздорной и невежественной басней.

«Немецкая сущность,—писал он,—не в крови, а в душе (*nicht im Geblüte, sondern im Gemüte*). Из наших великих людей Лейбниц и Лессинг, несомненно, славяне, сын солевара Гендель—кельт, отец Канта был шотландцем, но кто же станет бранить их как не-немцев!»

И это пишет не антифашистский пропагандист, не деятель немецкой культуры, вынужденный эмигрировать из гитлеровской Германии, это писал более полувека назад человек, которого сами фашисты воскресили из забвения и прославили как «великого немецкого мечтателя», как духовного предтечу «национал-социализма».

Лягард, как мы видели, не стеснялся высказывать свою ненависть к науке и культуре, он не боялся выступать с открытым забралом как мракобес и ретроград; он не боялся быть ненавистным своим противникам, но он не хотел быть смешным: вот почему он не связывал своего шовинизма с расизмом, вот почему он отгораживался от безмозглой брехни о расе и крови.

Тем, чем расистский миф является для внешней политики фашизма (если можно назвать бандитизм политикой), тем «теория тоталитарного государства» является во внутренней его «политике»: превращения Германии в огромный концентрационный лагерь, в государство-застенок. «Тоталитарное государство»—это порабощенный народ, «унифицированные» литература и искусство, растоптанная свобода мысли и совести, это гестапо, это СС, это Гиммлер и Геббельс. Это—«идолопоклонство, практикуемое по отношению к государству», по выражению... Лягарда. Это—государство, в котором идеал «висит на портупее полицейского», по меткому выражению... того же Лягарда.

Лягард различает две концепции государства: германскую и римскую. Германская концепция—это патриархально-феодальный принцип: «как можно меньше государства». Противоположный взгляд, согласно которому государство должно охватывать все стороны общественной жизни и регулировать все проявления жизнедеятельности людей,—словом, выражаясь фашистским языком, должно быть «тоталитарным», этот взгляд чужд германскому духу, он «принесен нам из Рима, языческого Рима и является гибельным для нации».

Лягард, мировоззрение которого было насквозь религиозным и тяготеющим к теократическому идеалу, резко обрушивался против претензий государства на безраздельное господство в области идеологии, на управление мыслью и совестью людей. «Государство,—по мнению Лягарда,—не суверенно. Монархия (которая, как мы видели, относится им не столько к политической, сколько к «поэтической» сфере.—Б. Б.), религия, наука, искусство, как явля-

ния sui generis, все стоят над государством и, следовательно, вне его. Когда же государство начинает принуждать их желать по своей воле, они выступают как враги государства.

Как бы наивна ни была аргументация прусского «идеолога», она в корне противоречит «тоталитарно»-полицейскому «государствоведению» гиммлеровских «академических» агентов.

Побуждаемый мотивами борьбы против посягательств государства на независимость религиозных верований, Лягард находит гневные и справедливые слова против полицейского террора, слова, которые попадают не в бровь, а в глаз нынешним насильникам Германии.

«Искусство, наука, религия,—пишет Лягард,—имеют свои собственные источники, следуют собственным законам, стремятся к собственным целям. Коперник, Кеплер, Эйлер так же не спрашивали разрешения у государства на свои математические открытия, как Рафаэль и Мурильо не испрашивали у него разрешения на свои картины, Себастьян Бах, Палестрина, Ролан де Лятр—на свою музыку, а Иисус, Зороастр, Конфуций, Будда не просили полицию засвидетельствовать, что им дозволено выступать как основателям религий. Государство, когда оно (а это бывало нередко) попадало под влияние юнкерской тупости, пышно цветущей в мелких княжествах, или гориллей злобы, упоения властью и страсти к злодеянию, это государство обрекало Кеплера на голод на том основании, что он услаждал только дух; оно изгоняло Эйлера за пределы стран немецкого языка, распинало Иисуса и подвергало преследованиям его учеников».

Это одержимое гориллей злобой, упоением властью и страстью к злодеяниям государство сжигает на кострах лучшие творения германских мыслителей и художников, оно гноит в концентрационных лагерях цвет немецкой интеллигенции, оно изгнало за пределы стран немецкого языка Эйнштейна, Манна, Рейнгардта, оно сжигает и уничтожает величайшие центры и памятники мировой культуры, оно разрушило Пулковскую обсерваторию, разгромило Ясную Поляну и клинский Музей Чайковского. Оно далеко позади себя оставило все злодеяния инквизиции. Герострат и Нерон выглядят невинными младенцами по сравнению с Гитлером и Герингом.

Этого Лягард не говорил и сказать не мог. Но если три четверти века назад он признавал, что «немцы—наиболее страстно ненавидимая нация Европы», то что бы он сказал теперь, когда немецкие орды превратили цветущие страны Европы в дымящиеся развалины? когда миллионы русских, украинцев, белоруссов, поляков, сербов, чехов, норвежцев, голландцев, французов полны неукротимой ненависти к фашистской гадине и неугасимой страсти стереть ее с лица земли.

Лягард давным давно умер. Он был мертвым и при жизни.

Он был мертворожденным. И он заслуженно забыт историей. Из попыток фашистских «идеологов» воскресить память о нем, как о своем духовном предке, ничего, кроме конфуза, не получилось. Ибо далеко реакционерам былых времен до *нынешних* мракобесов, не сравняться обскурантам прошлого с современными погромщиками.

Трудную задачу взяли на себя фашистские «историки философии»: найти своих исторических предков. Много было в германской истории ретроградов, врагов народа и гонителей культуры и прогресса, но *таких* омерзительных, *таких* подлых, которые были бы «достойными» отцами фашистов, во всей истории не сыскать. Гитлеровцы—исторические убудки, выродки человечества.

II. НИЦШЕ И «НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ»

Лучшие исторические творения немецкой культуры—результат усвоения Германией европейской культуры. Чем был бы Лейбниц, приобщивший Германию к жизни современной науки и философии, без французской, голландской и английской культуры XVII века, без той интернациональной «République de lettres» («Литературной республики»), гражданином которой он по праву себя считал? Разве не овеяны дыханием английского и французского Просвещения и революции 1789 года идеи основоположников классического немецкого идеализма—Канта и Фихте?

«Вот почему история этой «культуры в Германии»,—ворчит по этому поводу фашистский «историк» Шульц,—никоим образом не является еще историей собственной «немецкой культуры».

«Золотой век» немецкой культуры для фашистов—лишь «легенда о веймарской классике». «Сконструировали великий, совершенно чуждый политической сфере, период развития немецкого духа, рассматривая заодно Гердера и Лессинга, Шиллера и Гете, Гумбольдта и Гегеля и обозначая эту конструкцию как «вершину» немецкой истории. При этом прежде всего забывают, что так называемая «классическая» эпоха не имеет никаких самостоятельных корней. Она сколочена из просветительного гуманизма и духа и устремлений отдельных людей». Так пишет на страницах официального «теоретического» органа немецких фашистов небезызвестный «философский» фальшивомонетчик Альфред Беймлер.

Изоляция от европейской цивилизации и противопоставление себя всему культурному миру неизбежно привели немецкий фашизм также и к отмежеванию от всех прогрессивных, передовых явлений немецкой культуры в ее прошлом и настоящем. «Национализм» гитлеровцев принижает и оплевывает все то, что составляет историческую славу немецкой нации.

В лучшем случае, снисходительно заявляет Беймлер, *некоторые*

из корифеев «веймарской классики» «заслуживают» название... «предшественников Ницше».

Вот на кого променяли они классиков немецкой культуры, вот кто, по их мнению, воплощает в себе «немецкую сущность».

«Когда национал-социализм перечисляет,—пишет Розенберг,—те личности, к которым он жизненно и непосредственно примыкает..., он может назвать мнимых антиподов Ницше и Вагнера, великого провозвестника Пауля де Лягарда и как пророка—Хаустона-Стюарта Чемберлена».

Жалкие пигмен! Поистине для них «нет пророка в своем отечестве»: этим «националистам» пришлось импортировать пророка из Англии; «великий провозвестник» носит *французскую* фамилию, а Ницше гордился своим *польским* происхождением¹. Так наскреб себе Розенберг «великих предшественников» на задворках истории культуры. Что ж, каждый лучше знает, кто его предки: мы ведем свое происхождение от Белинского и Чернышевского, Гегеля и Фейербаха, а пройдохи, называющие себя немецкими «национал-социалистами»,—от Лягарда, Ницше и Чемберлена.

Один из ретивых фашистских поклонников Ницше, Фриц Гизе, говорит о «возрождении Ницше именно в противовес Гегелю» и объясняет крах фашистского неогегельянства тем, что «политик должен его (Гегеля.—Б. Б.) отвергнуть уже из-за одного факта его применения в марксизме». Тем самым Гизе вынужден признать, что Гегель не по плечам гитлеровцам и что законным наследником лучших традиций классической немецкой философии, достигшей в диалектике Гегеля своего зенита, является марксизм.

* *
*

«Наследием Ницше пропитана вся Третья империя... Нет ни одной идейной ценности, которая не происходила бы от него»,—заявляет Гизе.

Фашистское воронье усердно украшает себя «павлиньими перьями» ницшевских афоризмов. На все лады они пляшут и играют вокруг ницшеанской критики демократии, либерализма, разума, морали, вокруг «сверхчеловека», «чистоты расы», «воспитания породы» и «воли к власти».

Либеральная интеллигенция старых поколений, воспитанная на эстетической и декадентской трактовке Ницше, окатывает пустые головы фашистских борзописцев ушами охлаждающих цитат из Ницше, выражающих презрение к немцам, ненависть к шовинизму, злобу к имперской политике Бисмарка.

¹ «Мои предки были польской шляхтой: вот откуда у меня столь много расовых инстинктов в крови» (Ф. Ницше, *Ессе Нотто*. Почему я так мудр, § 3).

✓ В трезвой и убедительной статье профессор истории Гарвардского университета Крэйг Бринтон¹ показал, что не составляет большого труда использовать литературное наследство Ницше как резервуар человеконенавистнической нацистской пропаганды и так же легко надергать из литературного колчана Ницше стрелы, разящие нацистскую тупость и мракобесие. Бринтон делает правильный вывод, что *в целом* Ницше является предшественником фашистской реакции. Хотя гитлеровские «идеологи» крепко оцарапали свои грязные руки, роясь в груди ницшевских осколков—афоризмов, *пафос мировоззрения* Ницше—его анафема всей европейской цивилизации—возвещает нашествие на Европу фашистских варваров.

Мы присоединяемся к выводам профессора Бринтона и разделяем его мнение, что немецкие фашисты по праву ведут свою родословную от «гениального сифилитика»; более того, мы хотим показать, что родство это гораздо глубже, чем принято думать, и коренится оно прежде всего в том, о чем фашисты не любят говорить: оно основывается не на отдельных сторонах или элементах ницшеанства, а коренится в самой *сущности* мировоззрения, в его *социальном ядре*, в сокровеннейшем его импульсе и устремлении.

* *
*

О том, что больше всего сближает фашистов с Ницше, они молчат. Главные, решающие высказывания Ницше, составляющие движущую силу его ненависти к европейской цивилизации и нерв всего его творчества, они скрывают. О том, о чем ницшеанцы из «Третьей империи» больше всего думают, они меньше всего говорят. И это понятно. «Национал-социализм» насквозь *демагогичен*, вся его «идеология»—средство одурманивания масс. Ницше прямолинеен и откровенен. Он пишет «для своих». Не раз предупреждает он, что обращается к немногим, к избранным, «к своим друзьям, а не к широкой публике»². Ему еще не нужна демагогия: он не организует «национал-социалистской» партии, не стоит у власти, в «Третьей империи», не гонит массы на разбойничью войну. Вот почему они молчат о том, о чем открыто говорит он. И как раз то, о чем Ницше говорит, а фашисты молчат, их роднит больше всего, является основой их кровной близости.

«Страстные безумия и полуобманы Руссо пробудили оптимистический дух революции, против которого я восклицаю: *Écrasez*

¹ C. Brinton, The National-socialists' use of Nietzsche.

² «В отношении к нашей проблеме, которая с большим правом может быть названа *молчаливой* проблемой и которая доступна только немногим избранным...» (Ф. Ницше, Генеалогия морали, I, § 5. Ср. предисловия к «Антихристу» и к четвертой книге «Заратустры»).

l'infâme!» (Раздавите гадину!)¹. Эти слова Ницше могут служить эпиграфом ко всем его произведениям.

Мировоззрение Ницше сложилось в 70-х годах. Победное восстание парижских коммунаров произвело на молодого базельского профессора ужасающее впечатление и наложило неизгладимую печать на все его мироощущение. У порога литературной деятельности, в год написания своего первого произведения «Рождение трагедии из духа музыки», Ницше писал своему другу фон Герсдорфу (июнь 1871 г.) о Парижской коммуне: «Над борьбой наций (речь идет о франко-прусской войне.—Б. Б.) устрашающе подняла голову интернациональная гидра, неожиданно так ужасающе представшая перед нами как вестник совсем иных грядущих битв. Если бы мы могли лично поговорить друг с другом, мы, наверное, сошлись бы в том, что именно в этом явлении обнаруживается тот колоссальный вред, который принесла наша современная жизнь, и, собственно говоря, вся старая христианская Европа и ее государственное устройство, но прежде всего—господствующая теперь повсюду романская «цивилизация»; что все мы, со всем нашим прошлым, *повинны* в этих обнаружившихся теперь ужасах».

Это письмо является ключом ко всему последующему творчеству Ницше. Восстание парижских коммунаров ужаснуло классического филолога. «Интернациональная гидра», устранившая Ницше в 1871 году, заставила его вступить на путь «переоценки всех ценностей», обрушить множество литературных скорпионов на европейскую цивилизацию, неспособную раздавить нарастающее революционное движение трудящихся масс. Вся ницшеанская критика разума, науки, демократии, морали, христианства, как и вся его апологетика инстинкта, силы, воли к власти, стоят под знаком *предупредительной контрреволюции*, вдохновлены стремлением задушить в зародыше революционное движение народных масс, стремящихся к ненавистным Ницше «равенству, свободе и братству».

Жгучая ненависть к народу и страх перед грядущей социальной революцией определили идеологию Ницше. В этом—основной источник его критики европейской цивилизации.

«Рабочего сделали воинственным, ему дали право союзов, политическое право голоса: что ж удивительного, если рабочий смотрит нынче на свое существование уже как на бедствие (выражаясь морально, как на несправедливость)? Но чего хотят?—спрашиваю еще раз. Если хотят цели, то должны хотеть и средств, а если хотят рабов, то надо быть дураками, чтобы воспитывать их для господства»².

¹ Ф. Ницше, Человеческое, слишком человеческое, § 463.

² Ф. Ницше, Сумерки идолов. Набег несвоевременного, § 40.

Вот она, *классовая правда* нищезанятия, тщательно скрываемая его нынешними последователями, лживыми фашистскими демагогами.

Они превозносят Ницше за его критику либерализма. Они восхваляют его иррационализм. Они прославляют его борьбу против гуманизма. Но они скрывают, что все это различные проявления его *рабовладельческой* идеологии, его страстного желания восстановить неприкрытое рабство, его звериной ненависти к народу.

Таков основной идейный источник «национал-социализма».

«Говорят, что немецкие фашисты являются социалистами, старающимися защищать интересы рабочих и крестьян против плутократов. Это, конечно, ложь» (*Сталин*).

Эта ложь снова выступает во всей своей наготы, когда мы знакомимся с излюбленным коньком фашистской идеологии, с учением Ницше.

«Когда мы,—провозглашает Беймлер,—восклицаем нашей молодежи—«Хейль Гитлер!», мы приветствуем этим кличем также и Фридриха Ницше».

Они приветствуют этим кличем восстановление рабства. В этом и состоит их «Erfüllung»—исполнение заветов Ницше.

«Ныне Ницше осуществлен,—воспевает Гизе рабовладельческую фашистскую империю,—остаются лишь выводы, частности, налаживание и достройка деталей».

* * *

Философия Ницше, прежде всего, есть апология неравенства, эксплуатации, гнета. Каким бы метаморфозам ни подвергались воззрения Ницше, как бы ни менялись его настроения, этот принцип остается неизменным. Вагнерианский восторг уступает место злобным выпадам против Вагнера, преклонение перед Шопенгауэром сменяется критикой его зовущего к покою пессимизма, изменяется понимание соотношения науки и искусства и т. д. и т. п., но ненависть Ницше к народу и демократическим идеалам, защита господства и порабощения остаются неизменными.

«Эксплуатация, по мнению Ницше, не является принадлежностью испорченного или несовершенного и примитивного общества: она находится в связи с *сущностью* всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие истой воли к власти, которая именно и есть воля жизни»¹.

«Позор для всех социалистических систематиков, что они думают, будто возможны условия и общественные группировки, при которых не будут больше расти пороки, болезни, преступления, проституция, нужда... Но ведь это значит осудить *жизнь*...»²

Приверженцы нищезанятия называют своего учителя осново-

¹ Ф. Ницше, По ту сторону добра и зла, § 259.

² Ф. Ницше, Воля к власти, § 40.

положником «философии жизни». Ницше не оставляет сомнения в том, о какой жизни идет речь: его учение—философия мучительной, страшной жизни эксплуататорского общества, основанного на угнетении, эксплуатации и нужде широких народных масс. Без нужды и эксплуатации народа для Ницше нет жизни.

Принцип рабовладения—краеугольный камень мировоззрения Ницше; этот принцип пронизывает все его литературное творчество, цементирует хаотическую многоликость его суждений и оценок. Этому принципу Ницше был верен от начала своей литературной деятельности до потери последних остатков разума.

«Такие призраки, как достоинство человека, достоинство труда, являются убогим созданием скрывающегося перед самим собой рабства... Труд является позором... Рабство принадлежит к сущности культуры... Если верно, что греки погибли вследствие рабства, то еще вернее то, что мы погибнем вследствие отсутствия рабства»¹,—такова *альфа* философии Ницше.

«Рабство не должно быть истреблено, оно необходимо»². «Более высокая культура сможет возникнуть лишь там, где существуют две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных»³,—такова *омега* его философии.

Ницше обобщает определяющий принцип рабовладельческого общества, превращает его в *естественный закон*, в «высший закон самой жизни»⁴, в основоположение своей *натурфилософии*:

«Тело как система господства»—озаглавлен один из параграфов его последней работы: «Аристократия в теле, многочисленность господствующих (борьба клеток и тканей). Рабство и разделение труда: более высокий тип возможен только при *низведении* низшего на степень функции... Распадение, наступающее при бессилии со стороны господствующих клеток организовать присвоенное»⁵.

Что может нагляднее раскрыть весь строй ницшевского мышления, чем это стремление представить *всю природу* по образу и подобию рабовладельческого общества?

Как бы ни приукрашивал Ницше свои хищные социальные вожделения, в какой бы пестрый литературный наряд ни облекал свою философию рабства, он не скрывал, к кому обращено его учение, к кому направлен его призыв: «Но где должен я с некоторой надеждой на успех искать философов в моем вкусе или, по крайней мере, подобную мне потребность в новых философах?

¹ Ф. Ницше, Греческое государство, Собр. соч., т. I, стр. 168, 170, 171.

² Ф. Ницше, Посмертные фрагменты. Современность и будущее, § 433.

³ Ф. Ницше, Человеческое, слишком человеческое, § 439.

⁴ Ф. Ницше, Антихрист, § 57.

⁵ Ф. Ницше, Воля к власти, § 660. «Организовать присвоенное»—какими близкими и родными звучат эти слова современным ницшеанствующим бандитам!

Только там, где господствует *аристократический* образ мыслей, который верит в рабство и различные степени зависимости, как в основное условие высшей культуры»¹.

Ницше нашел своих почитателей, которые «верят в рабство», которые огнем и мечом внедряют рабство—национальное и социальное; только в этом смысле являются они «националистами» и «социалистами».

* *

*

«Как нам задержать поток, повидимому, неизбежной всеобщей революции?»²—вот вопрос, который мучил Ницше на протяжении всей его жизни. Все его философское учение было ответом на этот вопрос.

Страх перед назревающей революцией, перед растущим социалистическим движением не оставлял Ницше в его одиночестве; от этого страха он никуда не мог уйти.

Социалисты, предвидел он в ужасе, «могут во многих местах Европы перейти к насильственным актам и нападениям; грядущему столетию предстоит испытать местами основательные «колики», и Парижская коммуна, находящая себе апологетов и защитников даже в Германии, окажется, пожалуй, только легким «несварением желудка» по сравнению с тем, что предстоит»³.

Выше пятнадцати лет после восстания парижских коммунаров написаны эти слова; впечатление, произведенное на Ницше этим восстанием, было неизгладимым.

При всем наигранном ультраоптимистическом пафосе Ницше, при всем его истерическом уверении читателей и самого себя в своем глубоком оптимизме, философия Ницше выросла на почве «современного омрачения»: «Все на нашем пути скользко и опасно, и при этом лед, который нас еще держит, стал таким тонким; мы все чувствуем теплое и грозящее дыхание оттепели—там, где мы еще ступаем, скоро *нельзя* будет проходить никому»⁴.

Ницшеанская «воля к власти»—мужество отчаяния, мертвая хватка обреченного: вгрызться в горло врагу теперь или никогда, вгрызться, пока не поздно, пока враг не окреп.

Враг этот для Ницше—социализм, трудящиеся массы, народ, демократия и все, что потворствует, способствует народным стремлениям, расслабляет волю к борьбе против них.

«Народ» для Ницше—это неизменно «рабы», «плебеи», «стадо», «чандала»⁵.

¹ Ф. Ницше, Воля к власти, § 464.

² Ф. Ницше, Несвоевременные размышления, Соч., т. II, стр. 398.

³ Ф. Ницше, Воля к власти, § 125.

⁴ Там же, § 57.

⁵ См., например, Ф. Ницше, Генеалогия морали, I, § 9.

Его страшит «восстание рабов», их *ressentiment* (жажда мести). И он «любит» прирученное стадо покорных рабов. «Мы,—цинично высказывает он всю суть фашистского каннибальского «народолюбия»,—ничего не имеем против этих добрых ягнят, мы их даже любим: что может быть вкуснее нежного ягненка!»¹

Этой философии Ницше обязан тем, что он стал пророком «национал-социализма», но философия эта такова, что ее надо скрывать от масс, одурачиваемых «национал-социалистами». Нельзя идти к массам с такой философией.

Фриц Гизе, возглавлявший немецко-фашистскую делегацию на последнем международном философском конгрессе в Париже, потому именно и является ницшеанцем, что зная Ницше—это закабаление народных масс, но тысячам других фрицев, для которых пишет Гизе, этого знать нельзя; то, что является основой фашистской привязанности к Ницше, он демагогически ставит Ницше в упрек: нужно *дополнить* Ницше в более *современном* духе («*neuzeitlicher gerichtet*»).

Хорошо, мол, было Ницше напрямик выражать свою ненависть к народным массам, но каково его последователям, имеющим дело с прошедшими школу войны и революции пролетариями Берлина, Рура, Гамбурга? Тут без необузданной социальной демагогии, без обмана народа далеко не уедешь, и розенберговские холуи без зазрения совести выдают идеологию, насквозь проникнутую стремлением к удушению и закабалению народа, страстью к реставрации рабовладения, за «национализм» и «социализм».

Ницше, называвший вещи своими именами, открыто говорил о своей вражде к национализму и социализму: для него «направление *социализма*, как и *национализма*, определяется реакцией против процессов созидания индивидуумов»², процессов, которые, приводя к порождению «сверхчеловека», являются, по Ницше, целью общественной жизни.

И вот приходят борзописцы розенберговского помета, объявляющие себя исполнителями заветов Ницше и... называющие себя «националистами» и «социалистами»—два понятия, ненавидимые Ницше.

Их «социализм» и «национализм» особого рода—это *ницшеанский* «социализм» и *ницшеанский* «национализм»; это—звериная ненависть к народу, его нуждам и идеалам, это—грубо размалеванная демагогическая маска, криво напыленная на морду рабовладельца и человеконенавистника, маска, которая не в состоянии скрыть хищный оскал каннибала XX века.

* * *

¹ См., например, Ф. Ницше, Генезис морали, I, § 13.

² Ф. Ницше, Фрагменты из эпохи «Веселой науки». Современность и будущее, § 437.

«Нет ничего,—писал Ницше уже в первой своей работе,—страшнее варварского сословия рабов, научившегося смотреть на свое существование, как на некоторую несправедливость, и принимающего меры к тому, чтобы отомстить не только за себя, но и за все предшествовавшие поколения»¹.

Как справиться с этой угрозой, которая «начинает мало-помалу нагонять страх на современного человека...?»²

Обратиться за помощью к религии? Но «кто осмелится ввиду этих грозящих бурь со спокойным духом апеллировать к нашим бледным, утомленным религиям, которые сами в своих основах выродились в религии ученых, так что миф, необходимая предпосылка всякой религии, давно уже повсюду лежит в параличе»³. Необходимы более действенные, более радикальные средства. В свете нависшей угрозы необходима «переоценка всех ценностей», необходима крутая ломка традиционных понятий и представлений. Нужно воспитать новую касту рабовладельцев, новую аристократию, не связанную никакими гуманистическими и вообще моральными «предрассудками», аристократию, которая «с чистой совестью принимает жертву огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполных, до степени рабов и орудий»⁴.

Таково исходное программное положение Ницше. «Я,—пишет он,—касаюсь уже *серьезного* в моих глазах вопроса, «европейской проблемы», как я ее понимаю,—воспитания новой господствующей над Европой касты»⁵.

Первая и решающая задача, разрешение которой составляет истинный смысл ницшеанского мировоззрения,—вытравить из сознания господствующего класса всякое благодушие, искоренить из него чувства сострадания, человеколюбия. В борьбе против социализма и демократии «не должно быть никакого *соглашения*. Здесь надо вычищать, уничтожать, вести войну»⁶. Необходимо с этой целью вытравить все те элементы европейской культуры, которые осложняют борьбу за новое рабовладение, ослабляют остроту ненависти к трудящимся массам. Для этого Ницше призывает «касту господ» прежде всего убить в себе все человеческое и дать волю зверю. «Себя должны вы победить прежде всего, если хотите как-нибудь добиться победы над врагом вашего благосостояния»⁷. «Если бы явился теперь новый Лютер, он стал бы громить отвратительный

¹ Ф. Ницше, Рождение трагедии из духа музыки, Соч., т. I, стр. 126.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ф. Ницше, По ту сторону добра и зла, § 258.

⁵ Там же, § 251.

⁶ Ф. Ницше, Воля к власти, § 51.

⁷ Ф. Ницше, Vermischte Meinungen und Sprüche, § 304.

образ мыслей имущих классов, их глупость и бессмыслие, благодаря которым они даже не предчувствуют грозы»¹.

Философские шулеры и обманутые ими литературные дурачки уверяли, а кое-где и поныне продолжают уверять, будто философия Ницше — яростная, разрушительная критика буржуазной цивилизации. Но с какой позиции ведется эта критика? Во имя чего? Какие стороны этой цивилизации подвергаются критике?

Да, это критика буржуазной цивилизации, но не за то, что цивилизация эта буржуазна, а за то, что она — цивилизация; не за то, что цивилизация эта строится на страданиях и нужде миллионов, а за то, что она не убила в миллионах трудящихся чувства человеческого достоинства, не угасила в них надежды на лучшую жизнь, за то, что она не справляется с задачей превратить рабочих в «говорящие орудия».

«Больше всего, — поучает Ницше своих воспитанников для новой господствующей касты, — надо опасаться, как бы современное образование не заразило неученые классы... Как только рабочее сословие поймет, что оно может легко обогнать нас в деле образованности и добродетели, — с нами будет покончено»².

Эти слова стали первой заповедью «национал-социалистской» политики в области народного образования. Гитлеровцы даже превзошли это требование: чтобы не вызывать зависти трудящихся, они пошли на «жертву» — сами отказались от «образованности и добродетели». Правда, жертва эта была не тяжела: им нетрудно было «отказаться» от того, чего у них и в помине не было.

Итак, «новый Лютер» берется за «переоценку всех ценностей», за устранение «зловредных» последствий, которые принесла с собой французская революция, заронившая в плодородную почву народных чаяний идеалы равенства, свободы и братства.

«То, что было сокровеннейшим достоянием Ницше, — отказ от буржуазной идеологии в целом, от «платоновских» идеалов истины, добра и красоты, — стало ныне достоянием целого поколения». Это — слова Альфреда Беймлера, бывшего философа, на четвереньках вползшего в гитлеровскую подворотню, откуда он теперь яростно лает на «истину, добро и красоту».

Философия Ницше означает отказ от всего того, что в буржуазной идеологии является шагом вперед по сравнению с феодальной и рабовладельческой идеологией; означает отказ от *прогресса*, который содержал в себе переход от феодализма к капитализму как к более высокой форме социальной жизни. Философия Ницше поставила своей целью: «...задним числом удушить в зародыше революцию (речь идет о революции 1789 года. — Б. Б.), сделать ее небывшей»³.

¹ Ф. Ницше, Философия в затруднении (VII, 315).

² Там же.

³ Ф. Ницше, Странник и его тень, § 221.

Вот с какой позиции ведет Ницше борьбу против буржуазной идеологии и вот что стало ныне «достоянием целого поколения», искалеченного Гитлером, одичалого, озверелого поколения фрицев и гансов.

* *

*

«Пафос дистанции» — важнейший устой ницшеанского мировоззрения. «Пафос дистанции» — это не что иное, как психологический и этический эквивалент социально-экономического раздвоения общества на рабов и господ. «Пафос дистанции» — самосознание рабовладельца, презрение к рабу, противопоставление себя рабу как цели — средству. «Без *пафоса дистанции*, порождаемого воплощенным различием сословий, постоянной привычкой господствующей касты смотреть испытующе и свысока на подданных, служащих ей орудием, и столь же постоянным упражнением ее в повиновении и повелевании, в порабощении и умении держать себя далеко...»¹, без этого «пафоса дистанции» немислимо, по мнению Ницше, обуздание социалистических «нивелиров», стремящихся ко всеобщему счастью, «соединенному с обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого»².

«Пафос дистанции» требует *обожествления* того, что было *оклеветано* ненавистным Ницше демократическим Просвещением. «Что было оклеветано? — То, что обособляло высших людей от низших, стремления, разверзающие пропасть»³.

«Пафос дистанции» — пафос социальной иерархии, пафос безудержной эксплуатации, пафос новой рабовладельческой аристократии.

Для ницшеанства нет *людей*: есть господа и рабы. Соответственно, нет для него *человеческой* морали: «есть мораль господ и мораль рабов»⁴.

Все, что способствует вожделениям господ, есть добро; все, что препятствует им и потворствует интересам рабов, есть зло. «Восстание рабов в морали» — моральное осуждение рабства, идейное подготавливание раскрепощения трудящихся от кабалы — главная мишень этики Ницше.

«Стремление к *свободе*, инстинктивная жажда счастья и наслаждений, порождаемых чувством свободы..., необходимо связано с рабской моралью и моральностью»⁵. «Мораль относилась к властителям, насильникам, вообще к «господам», как к врагам, против которых должно защитить обыкновенного человека»⁶.

¹ Ф. Ницше, По ту сторону добра и зла, § 257.

² Там же, § 44.

³ Ф. Ницше, Воля к власти, § 32.

⁴ Ф. Ницше, По ту сторону добра и зла, § 260.

⁵ Там же, § 261.

⁶ Ф. Ницше, Воля к власти, § 55.

Философия Ницше—«этика» властителей, насильников, господ, направленная против «обыкновенного человека», его чувства свободы и жажды счастья.

Гуманистическая мораль с ее уважением к достоинству человека вдвойне ненавистна Ницше: враждебная «пафосу дистанции», она ослабляет повиновение рабов и повелевание господ. С помощью принципа человеколюбия «рабы и угнетенные... пытаются укрепить наиболее благоприятные для них суждения о ценности»¹.

Фашистские демагоги любят поговорить о счастье «маленького человека», о благоденствии Михеля, рядового немца. Как при этом снова не вспомнить афоризм их пророка и учителя о «любви» хищника к ягнятам?

* * *

*

Некоторые представители либерального свободомыслия имели обыкновение доброжелательно отзываться о якобы положительном значении атеизма Ницше. С этим получившим довольно широкое распространение недоразумением необходимо покончить. Ницшеанская критика религии глубоко реакционна. Его непрестанные нападки на христианство так же мало могут заслужить доброжелательную оценку, как и его критика буржуазной морали и буржуазной цивилизации: все они растут из одного корня, все они—различные аспекты одной и той же ультрареакционной сущности.

Подобно тому как критика Ницше буржуазного общества, по сути дела, является критикой всякой цивилизованной жизни; подобно тому как ницшевская критика буржуазной морали, по сути дела, является критикой прогрессивных идеалов человечества во всех их проявлениях,—так и критика Ницше христианства является борьбой против народных чаяний и демократических моральных норм, заложенных в раннее христианство демократическими массами, составившими ядро первых христианских общин в античном Риме. Не против религиозных суеверий борется Ницше, не против алчных притязаний князей церкви, не против религиозного изуверства и нетерпимости,—нет, против христианства как *идейного препятствия* рабовладельческому хищничеству. Христианская проповедь невыносима Ницше не потому, что он является поборником менее иллюзорных идеалов и более прогрессивного строя мыслей. Христианство невыносимо Ницше потому, что «яд учения о равных правах для всех христианство сеяло архипринципиально; каждому чувству уважения, чувству дистанции между человеком и человеком, т. е. *предусловию* всякого возвышения, всякого роста культуры, христианство объявило беспощадную войну из самых потаенных углов дурных инстинктов—из *ressentiment* масс оно

¹ Ф. Ницше, Воля к власти, § 55.

выковало себе *главное оружие* против нас, против всего знатного, радостного (?), великодушного(!) на земле, против нашего счастья на земле... Признание «бессмертия» за каждым Петром и Павлом было до сих пор величайшим, злейшим покушением на *аристократизм* человечества. И не будем умалять значения того рокового зла, которое, получив начало в христианстве, прокралось отсюда в самую политику. Ни у кого нет нынче мужества на исключительные права, на права владычества, на чувство уважения к себе и себе подобным,—на пафос дистанции... *Наша политика больна* этим недостатком мужества. Аристократизм образа мыслей был глубже всего подорван ложью о равенстве душ; и если вера в «преимущество большинства» производит и *будет производить* революции, то нельзя сомневаться в том, что это христианство, что это христианские суждения о ценностях, которые каждая революция только переводит на язык крови и преступлений¹.

Мнимое свободомыслие Ницше на деле было преследованием малейших проявлений демократической мысли, где бы он ее ни учуял. Его «антирелигиозный» пафос—это тот же человеко-ненавистнический «пафос дистанции». Его критика христианства—прямое продолжение его критики «морали чандалы», другое выражение его презрения к народным массам и... его страха перед ними.

Для его воображения, никогда не оправившегося от шока 18 марта 1871 года, христианство—лишь одна из уловок народной «кажды мести». «Мир,—для Ницше,—опутан сетью уловок». Религия христианства—одна из них. Но эти уловки—отнюдь не одни религиозные догматы, «но и такие скользкие понятия, как «прогресс», «общее образование», «национальность», «современное государство», «борьба за культуру»².

Ницше не противопоставляет религиозным догматам всеобщее образование, прогресс и борьбу за культуру; он осуждает первые не с точки зрения последних; те и другие для него—явления одного порядка, и те и другие должны быть растоптаны и уничтожены.

Ницше боролся пером, а его нынешние последователи—огнем и железом, против *всех* приобретений человеческой культуры. Вот почему борьба против фашистов объединила все свободолюбивые народы мира, все цивилизованные народы, как бы ни различались они друг от друга своими социально-политическими укладами, философскими мировоззрениями и верованиями. Они защищают *общие достояние* культурного человечества, завоеванное трудом миллионов и прогрессом тысячелетий.

* * *

¹ Ф. Ницше, Антихрист, § 43.

² Ф. Ницше, Несвоевременные размышления, Соч., т. II, стр. 245.

С ожесточением нападает Ницше на науку. По его мнению, научное мышление, «теоретический человек» служат помехой «воле к власти».

Родоначальник английской философии нового времени, герольд новой европейской науки Фрэнсис Бэкон некогда провозгласил: «Знание и могущество человека совпадают друг с другом». Под лозунгом единства знания и силы, науки и власти человека над природой совершала свое триумфальное шествие от победы к победе теоретическая мысль, начиная с XVI века. Для Ницше знание и могущество человека противоречат друг другу. Истина — не друг, а враг. «Что истина имеет более ценности, чем иллюзия, — это не более как моральный предрассудок»¹.

Борьба против рационального познания, противопоставление теории практике, разума воле, инстинкта интеллекту — наглядное свидетельство идейной дегенерации и умственного убожества. Эта сторона ницшеанства имеет особенно большой успех у его нынешних приверженцев и служит убедительным доказательством их исторической беспочвенности.

«Путь будущего», — вещает Розенберг, — является для нас не проблемой интеллекта, а проблемой воли». «Рассудок и разум исключают друг друга... Разум потерял рассудок», — умничал Меллер ван ден Брук. «Разум — это Просвещение... Разум, пришедший с Запада, был новинкой для Германии... Разум был опасен для этой страны политического детства, и прежде всего он был новинкой для литераторов, которые гонялись за ним как политические дети, какими они были».

Теперь, когда немецкие литераторы давно вышли из детского возраста и забыли, что такое политическая невинность, теперь, превратившись в растленных и продажных писаков, они поняли, как опасно для них проникновение разума в Германию; они боятся разума, как чорт ладана, они превратили немецкую литературу в карантин для разума.

Достойный собрат сутенера Весселя, Меллер, честил разум на своем родном кабацком жаргоне: «Разум, который прежде все еще был дамой из XVII века, ныне стал простой потаскухой, используемой всеми просветителями».

С такими молодчиками не полемизируют — их выставляют за дверь.

«Тяжба интеллекта и жизни — двух полюсов прежней науки — закончилась победой жизни над интеллектом», — бахвалится Гизе и в своем бахвальстве выбалтывает, каковы социальные корни его разумоненавистничества.

«Наша современность, — по мнению Гизе, — не может быть постигнута ни с помощью логики, ни с помощью мышления;

¹ Ф. Ницше, По ту сторону добра и зла, § 34.

рассматриваемая с точки зрения логики и мышления, она попросту бессмысленна, чтоб не сказать еще иначе».

Гордому учению о свободе как познанной необходимости, уверенным усилиям человечества установить полное господство над силами природы и общественными отношениями на основе овладения их собственными законами, логикой вещей, фашисты противопоставляют лихое бандитское: «Крой, ребята, логики нет. Валяйте, авось что-нибудь да выйдет!»

Не от хорошей жизни эти лозунги. Гизе полемизирует с автором «Заката Европы» Шпенглером, он недоволен его пессимизмом. Шпенглер, мол, правильно стартовал, но плохо финишировал: «Разве и для потерпевшего кораблекрушение не остается задачей, несмотря на сознание того, что он потерпел крушение, не говорить о гибели, о «закате», а оставаться активным, активно действовать и в создавшейся обстановке, оставаясь в твердом убеждении, что, безусловно, смыслом мироздания не является кораблекрушение?»

Что и говорить, бодрая философия! Философия утопающего, хватающегося за соломинку. Логически рассуждая—соломинка не выдержит, но надо же за что-нибудь ухватиться! Но что правда, то правда—из неизбежного крушения фашистских головорезов никак нельзя заключать о том, что крушение является смыслом мироздания; как раз наоборот: оно будет торжеством логики, разума и жизни.

Апофеозом философии Ницше является учение о «вечном возвращении». Это учение занимает в мировоззрении Ницше такое же место, как «amor Dei intellectualis» в философской системе Спинозы. Но какая дистанция между ними!

«Интеллектуальная любовь к богу»—поистине величественный, героический финал системы гениального мыслителя. В нем звучит гордость и уверенность познания в своей мощи, радость единства разума с великим целым мироздания.

Идея «вечного возвращения» проникнута глубоким внутренним пессимизмом, является выражением интеллектуального надлома. «Против парализующего ощущения всеобщего разрушения и неоконченности я выдвинул идею вечного возвращения»¹,—пишет Ницше.

Точнее было бы сказать—*миф* о вечном возвращении, хотя Ницше и делает смехотворную попытку «научно обосновать» эту идею: количество действующих во вселенной сил конечно, следовательно число возможных комбинаций проявления этих сил так-

¹ Ф. Ницше, Воля к власти, § 417.

же конечно; время же бесконечно; стало быть, все возможные комбинации и образования должны повторяться¹.

Не говоря уже о маниакальной наивности этого «обоснования», бросается в глаза направленность «вечного возвращения» против идеи *прогресса*. Ницше универсализирует здесь гегелевское отрицание развития в *природе*, знающей якобы лишь *повторения*.

Нетрудно понять, что миф о вечном возвращении вещей пришелся по душе современным душителям всякого прогресса, тем более что Ницше прямо противопоставляет свое учение о «вечном возвращении» *социалистическому* идеалу общественного прогресса². Прямо находка для «национал-социализма»! Однако миф о вечном возвращении имеет и другой мотив, очень созвучный фашистскому жизнепониманию.

«Ницше,—говорит Беймлер,—выдвигает здесь *вероятность* на место истины... Его философия... заменяет, таким образом, якобы причинно обусловленный мир миром не зависимых друг от друга явлений, чисто случайно следующих одно за другим».

Вслед за принципом *развития* фашистские эрзац-философы отвергают также и принцип *закономерного движения*, представляя мир как царство слепой, фатальной случайности. С логикой им не по пути, с «разумностью действительности», с историческим прогрессом—тем более; лишь в неразумии мира, лишь в отсутствии исторической *необходимости*, лишь в царстве *случайности* ищут они опору против пессимизма, против «парализующего ошущения всеобщего разрушения».

Согласно идее «вечного возвращения»,—пишет Беймлер,—«события следуют друг за другом не как звенья цепи, а как выпадения очков при игре в кости». Вот она, тайна идеи вечного возвращения: это философия азартной игры, *философия истерического авантюризма*.

*
*
*

Ницше жил накануне эпохи империализма, он был провозвестником хищных империалистических вожделений. Фашисты—взбесившиеся кровавые псы насквозь прогнившего германского империализма. «Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира» (*Сталин*).

Как уже указывалось, Ницше отличает от его незадачливых фашистских последователей *демагогическая маскировка* гитлеровцами антинародного и антисоциалистического существа ницшеанства, циничское рекламирование отъявленно рабовладельческой идеологии как «истинно народной», «национальной» и «социалистической».

¹ Ф. Ницше, Посмертные фрагменты, 1881—1882, § 90.

² Там же, § 116.

Вторым отличием Ницше от фашистских «теоретиков» является дальнейшая варваризация, оглушение его учения последними.

Ницше был *ренегатом* европейской культуры. Он знал сладость музыки Бизе, он вкусил прелесть *esprit* Лярошфуко, Монтэня и Стендаля, он понимал, что Гоголь—великий писатель, а Гейне—бесподобный лирик. Ницше *предал* европейскую культуру. Он предпочел гибель этой культуры тому, чтобы она сделалась достоянием всего человечества, тому, чтобы к ней приобщились народные массы.

Гитлеру чужда эта культура. Гоголь для него—большевик, Гейне—еврей, Бизе—негр, а Розенберг—мыслитель.

Ницше однажды заявил: «Когда я говорю о Платоне, Паскале, Спинозе и Гете, то я чувствую, что кровь их течет в моих жилах,—я горд, если я говорю о них истину,—семья оказывается достаточно хорошей для того, чтобы была необходимость что-нибудь о ней «выдумывать или что-нибудь о ней скрывать»¹. В семье не без урода. Ницше был ядовитой сорной травой на ниве культуры. Но он понимал, по крайней мере, что кровью Паскаля и Спинозы можно *гордиться*. Гитлерам этого не понять. Они буйволы, топчущие и поганяющие ниву европейской культуры. Они не *изменяют* цивилизации, а *истребляют* ее.

Третьим отличием Ницше от его нынешних последователей является отсутствие у него зоологического шовинизма или, как сам он выражался, «национализма рогатого скота»².

«Не следует,—писал он,—придавать значения жалобам людей на утрату национальных черт... Ценой этой утраты человек возвышается до сверхнационального, до целей, общих всему человечеству, до основательного знания, до понимания и наслаждения прошлым, иноземным,—словом, только благодаря этому человек перестает быть варваром»³.

Ницше с презрением говорил о «*névrose nationale*», о «национальной горячке», о «лживом расовом самовосхищении и распутстве». «У нас,—писал он,—далеко не достаточно «немецкого» духа в том смысле, в каком теперь это слово употребляют сплошь и рядом, чтобы говорить о национализме и расовой ненависти, чтобы радоваться тому, что национальные вопросы скребут на сердце и отравляют кровь, благодаря чему один народ отгораживается от другого, как во время карантина»⁴.

Фашисты «углубили» ницшевское человеконенавистничество расовым и национальным озверением.

Ницше знал своих немцев и потому говорил: «В мою амбицию

¹ Ф. Ницше, Критические заметки о себе, Посмертные фрагменты, 1881—1883, § 457.

² Ф. Ницше, Воля к власти, § 748.

³ Ф. Ницше, Соч., т. III, стр. 339.

⁴ Ф. Ницше, Веселая наука («Мы, люди без родины»).

входит сознание, что я презираю немцев *par excellence* (по преимуществу)». Он знал своих немцев и потому говорил: «Мыслить по-немецки, чувствовать по-немецки,—я все могу, но это свыше моих сил»¹.

Фашисты не могут скрыть этих высказываний Ницше: ими пестрят его работы. И вот они находят смягчающее его вину обстоятельство: «Auf Wahrheit kommt es dabei nicht an, wir sind im Kampfe!»—«Истина здесь не при чем,—тут идет борьба».

В этих словах Беймлера—вся фашистская «философия», как на ладони.

III. ДИПЛОМИРОВАННЫЕ ЛАКЕИ ФАШИЗМА

Приставленный гестапо в качестве надзирателя за Германским союзом преподавателей высшей школы Шульце вынужден был признать в одной из своих речей: «Безусловно верно, что большинство ученых, да и вообще «интеллигенции», относилось к великим устремлениям национал-социалистского движения просто, без всякого понимания его значения и даже враждебно».

Всё, что было мало-мальски честного среди немецких ученых и философов, все, в ком сохранилась хоть капля научной совести и брезгливости—в омерзении отшатнулись от грязной банды гитлеровцев. Виднейшим представителям немецкой культуры элементарная идейная чистоплотность—«интеллектуальная совесть»—не позволила наняться в лакеи к Геббельсу и Розенбергу. Признанные лидеры наиболее влиятельных философских школ Германии, люди, находящиеся вне всяких «подозрений» в причастности к марксизму, маститые неокантианцы и махисты—Эрих Кассирер, Артур Либерт, Ганс Рейхенбах, Эмиль Утиц, Эдуард фон Астер и многие другие—эмигрировали из расистской клоаки.

Побрякушки каннибалов—вот что такое «философия» фашизма. Кольца, продетые в носу бандита из гестапо; звериные клыки, увешанные вокруг короткой шеи фашистского варвара; пронзительный треск геббельсовского тамтама—вот что такое «философия» фашизма.

Опьянять самого каннибала, оглушать и оглуплять поработанные массы—таково ее единственное назначение.

Нестерпимым зловонием несет со страниц фашистских писаний. Гнилостным смрадом отравляют фашистские идеологи сознание читателя. На разные лады сияются они убить всякое стремление к познанию, к истине, к научному мышлению и теоретическому исканию, угасить малейшую искру правды, добра и красоты, вытравить все прогрессивное и творческое, отупить, оглушить, одурманить.

¹ Ф. Ницше, Почему я так мудр, § 3.

Десятки продажных «профессоров» оплевывают с кафедр фашистских «университетов» великие достижения человеческого гения. Десятки растленных дипломированных лакеев ползают на брюхе перед громилами из гестапо, славословя душителей культуры. Пресмыкающиеся «философы», смочив перья душительной коричневой слюной, строчат свои гнусные пасквили на науку, искусство, нравственность.

Такова, например, «школа» Шварца.

✓ Семидесятипятилетний Герман Шварц—один из философских «фюреров» фашистских мракобесов. О нем нельзя сказать, что на старости он выжил из ума, после того как ознакомишься с его более ранними произведениями. Его «философия не-данного» («Philosophie des Ungegebenen») — разновидность субъективно-идеалистического волюнтаризма, «актуализма» — бездарная, реакционная пародия на фихтеанство.

Основываясь на различении «ценностей» и «явлений ценности», т. е. мнимых, кажущихся ценностей, сие философское ископаемое отмежевывает фашистскую идеологию от прогрессивных идеалов человечества: истины, красоты, гуманности. «Культура, государство, церковь и человечество — также лишь явления ценности». Логическая истина и эстетическая красота для Шварца — превзойденные древнегреческие идеалы; гуманность, любовь, милосердие — превзойденные христианские идеалы.

Старый шут кувырывается, жонглирует причудливыми словами, лебезит перед Розенбергом. В своей старческой болтливости он проговаривается, что единственная цель фашистской «философии» — точить и чистить злодейский меч, занесенный фашистскими головорезами над человечеством и его культурой.

✓ «Философия» Германа Шварца освящает тиски фашистской диктатуры и меч гитлеровских банд, истребляющий все, что создало на своем историческом пути человеческое стремление к истине, красоте и гуманности. «Философия не-данного» — это философия грабежа и насилия.

Обман, мракобесие и человеконенавистничество — три устоя фашистской идеологии.

Наглый обман во всех его гнуснейших проявлениях — вероломстве, коварстве, циничной демагогии, безудержной лжи, — как тень, сопутствует гитлеризму на всем протяжении его преступной деятельности.

Беспросветное мракобесие, гнетущий обскурантизм, жесточайшее преследование деятелей культуры и уничтожение культурных ценностей, нещадное подавление мысли и творчества — жизненная необходимость для фашизма, необходимое условие оглушения народных масс, превращения народа в бездумную и бездушную военную машину, в слепое орудие истребления и разрушения.

Мрачное человеконенавистничество, звериное, кровожадное, садистское упоение уничтожением — подлинный культ религии фашизма.

Для «теоретического обоснования» этих трех устоев разбойного «кодекса» призваны дипломированные лакеи фашизма. Для подведения «идеологического фундамента» под омерзительную практику гитлеровских головорезов законтрактованы по сходной цене публичным домом Геббельса десятки «профессоров», торгующих своим скудоумием, как проститутка—своим дряблым телом.

«Я не знаю,—цинично заявляет Эрнст Крик,—понадобится ли еще нам в будущем философия...»

Безусловно, Крику и его хозяевам в будущем философия не понадобится. Ничего, кроме нескольких метров могильной земли да осинового кола, не понадобится им в самом ближайшем будущем.

АПОЛОГИЯ ОБМАНА

Слово «философия», как известно, состоит из двух греческих слов, означающих «любовь» и «мудрость». Фашизм означает «ненависть» и «безумие».

Родина философии—Греция—раздавлена бандами фашистских вандалов и отдана на поток и разграбление шакалу Муссолини.

Философия, тождественная с наукой, возникла как новая форма человеческого мышления на смену мифологии. Примитивному, донаучному мифологическому мировоззрению зародившаяся свыше двух с половиной тысячелетий тому назад философия противопоставила высший, рациональный, строй мышления. С самого своего возникновения философия выступила как антимифологическое, научное миропонимание,—именно в этом состояло ее величайшее историческое значение.

Фашизму с наукой, с научным мировоззрением не по пути.

«Мировоззрение,—аттестует фашистскую идеологию «сам» Геббельс,—не имеет ничего общего со знанием, и в этом состоит его существенная характеристика».

Знание, наука, просвещение—от лукавого, вторит ему фашистская университетская челядь.

«Национал-социализм справедливо указывает,—лает из своей фашистской подворотни Мартин Герпель,—что науки практически обнаружили свою несостоятельность, ибо как раз не они обусловили исторический прогресс современности».

К тому, что Герпель называет «историческим прогрессом современности»,—к существованию фашистской тирании—наука действительно непричастна. Напротив, свержение фашизма—непреложное условие дальнейшего развития науки.

«Путь познания и образования...—лает из соседней подворотни Фриц Цейчель,—никуда не ведет... это ложный путь... Путь через знание не приводит к удовлетворению жизни,—более того, этот путь уводит в конечном счете от жизни».

Фашистская «философия» есть ненаучное, антинаучное, враждебное научному мышлению «мировоззрение».

Разыскание истины, стремление к познанию мира таким, каков он есть на самом деле,—таково назначение, таков смысл существования философии.

Дипломированные холопы фашизма ставят крест над всем многовековым развитием философии. Они отвергают философию как постижение истины.

«Новая (т. е. фашистская.—Б. Б.) наука,—по словам министра по борьбе с просвещением Руста,—совершенно отлична от идеала знания, ценность которого заключается в неудержимом стремлении к достижению истины». Они стремятся вернуть человечество к до-философскому, мифологическому мировоззрению. Философии, как познанию истины, они противопоставляют «философию» организованной лжи, сознательного обмана, заведомой демагогии. Не объективная истинность мировоззрения, не соответствие его реальной действительности определяет, согласно фашистским демагогам, его силу, достоинство и ценность. «Всякое мировоззрение сильно равно настолько,—заявил Розенберг,—насколько сильна воля его носителей защищать его. Таков единственный масштаб для суждения о всемирно-исторической борьбе». Сила объявляется единственным критерием истины. «Истинно» то, что путем насилия и демагогии удалось навязать массам. «Истина» есть победоносная ложь, воля насильника, мнение господина. Таков краеугольный камень этой «гносеологии» гестапо.

«Sic volo, sic jubeo»—так я хочу, так повелеваю—фашистского диктатора становится критерием фашистской «истины», руководящим принципом мировоззрения в гитлеровской тирании. «Мы полагаем,—утверждает Розенберг,—что путь будущего—не проблема интеллекта, а проблема воли». Разум мыслителя подавляется произволом насильника. Окрик одержимого ефрейтора, застенков гестапо, плетка надзирателя концлагеря признаются фашистским мировоззрением высшими, непререкаемыми доказательствами, наиболее убедительными аргументами, самыми надежными доводами. «Христос не мог быть евреем,—декретирует Геббельс.—Мне незачем научно это доказывать. Это—факт»! А ну-ка, попробуй опровергать! «Контрвозражения» с парой наручников всегда наготове.

Так называемое «учение о социальном мифе»—один из устоев фашистской идеологии—представляет собой прямой возврат от научной мысли к мифотворчеству, на этот раз не стихийному, наивному, полному неповторимой художественной прелести, мифотворчеству древних, а к мифотворчеству как сознательному обману, злонамеренному оглуплению.

«Я,—заявляет один из основателей этой гнусной «теории», Вильфредо Парето (1848—1923),—придаю термину «миф» его этимологический смысл: *μῦθος*—аллегорический, а не исторический рассказ, в противовес *ἀληθής*—истинный, действительный».

Отбрасывая идеологию, основанную на исторической досто-

верности, на истинном познании действительности, Муссолини, Розенберг и их холуй со свойственным им цинизмом заплечных дел мастеров заявляют, что задача фашистских демагогов—любой ценой, любыми средствами повести за собой массы на кровавые авантюры. «Мы сотворили наш миф,—возвещает Муссолини.—Миф—это вера, это страсть. Нет необходимости, чтобы он был реальностью». Все, что способствует обману народа, все, что помогает опьянить массы, посеять в них иллюзии, превратить их в слепое орудие разбойничьих фашистских планов, есть идеологическое благо; все, что препятствует обману, открывает глаза на истинное положение вещей, приподнимает завесу над исторической правдой, есть зло. Вот к чему сводится столь же нехитрая, сколь и подлая «философия мифа». «Имеет значение не истинность исторического факта, а результат, к которому он приводит»,—утверждает Эмилио Бодреро. А по словам Франца Беа,—«подвергнуться обману, на самом деле, отнюдь не противоречит жизненной плодотворности истинного познания». Таков краеугольный камень этой готтентотской «философии».

«Расовую теорию», «миф о крови»—этот символ веры современных каннибалов—они стремятся превратить в «миф XX века», в идеологический дурман, который затуманит умы народных масс, заглушит разум и здравый смысл и извлечет из психических глубин задавленные веками цивилизации хищные звериные инстинкты, возродит отжившие, атавистические, животные страсти, превратит культурные народы в своры бешеных псов.

Таков прямой смысл «теории социального мифа», противопоставляемой фашистскими мракобесами теории социальной истины.

Циничное надругательство над наукой, проституирование философии—вот что такое «теория социального мифа».

Как видно, однако, разухабистое мифотворчество не справляется со своей задачей; мифологического дурмана явно недостаточно для фашистского воинства,—на помощь приходит водка: сивуха доделывает то, что начала их «мифология».

АПОЛОГИЯ МРАКОБЕСИЯ

✓ «Немцы—их называли некогда народом мыслителей: мыслят ли они еще ныне вообще?.. «Deutschland, Deutschland über alles», я боюсь, что это было концом немецкой философии... «Есть ли немецкие философы? есть ли немецкие поэты? есть ли хорошие немецкие книги?»—спрашивают меня за границей. Я краснею, но с храбростью, свойственной и мне в отчаянных случаях, отвечаю: «Да, Бисмарк». Разве я мог бы хоть только сознаться, какие книги читают теперь?..»

Это писал полвека назад Фридрих Ницше. Что сказал бы теперь этот эстет, эллинист и интеллектуальный гурман, глядя на тупых солдафонов, называющих его своим духовным отцом?

Фашизм и... культура!

Бешеная свора душителей народов, двуногие звери, бронированными копытами растаптывающие на своем пути все то, что за многие века вырастило и выпестовало человечество в садах культуры, и... философия.

С наукой эти бандиты расправляются, как с оккупированной страной: лишают свободы, жгут, громят, насилуют. Они издеваются над разумом, истиной, логикой. Подобно тому как трудящихся захваченных и разоренных стран они заставляют производить оружие для своих поработителей, они технику—творение рационального познания, опыта и разума—ставят на службу своих злодеяний. Детище разума, порождение современной цивилизации, превращается в источник ее уничтожения. Разуму, всячески принижаемому и оскверняемому, предоставляется единственное право—создавая орудия истребления и разрушения культуры, рыть себе могилу.

Отказ от великих исторических завоеваний человеческой культуры, растаптывание солдатским сапогом цветов, взращенных многовековыми усилиями лучших людей,—характерная черта идеологии современных вандалов.

«Инстинктивное недоверие ко всякому равнению на прошлое, ко всякой попытке черпать из исторического познания» прокламируется как первая заповедь фашистского «философа».

Все завоевания научной философии, весь прогресс рационального познания нового времени начисто отвергаются. Все развитие философии от Декарта до Гегеля объявляется проклятой эпохой упадка и вырождения первобытных инстинктов в человеке.

Фашистская идеология требует отказа от западноевропейских гуманистических идеалов, отвержения европейского рационализма, который в «Просвещении» сделался прообразом всех жизненных отношений человека нового времени». Фашистская идеология провозглашает себя «просвещением с обратным знаком», подхлестывает «волю к безоговорочному противодействию демонию рационального познания, высвобожденной эпохой картезианства».

XVII век—эра великих научных открытий и обоснования автономной философской мысли—является для фашистских мракобесов эрой грехопадения человечества.

«Рационалистическая механистика науки, начиная с XVII века, «умертвила» землю, разрушив этим миф, старинную мудрость, традицию, целостную народную жизнь с ее святынями и обычаями»,—бросает Эрнст Крик обвинение научному мышлению. «Декарт и сегодня—наш ближайший философский противник»,—вторит своему учителю Франц Бем, ибо Декарт «стал исходным пунктом всех устремлений, которые... можно объединить общим названием «научного мировоззрения».

«Картезианизм», под которым разумеется всякое научное мировоззрение вообще, всякая философия, основанная на содружестве опыта и разума, расценивается дипломированными агентами гестапо

как антипод «немецкого философствования», как строй идей, с которым не может быть никакого примирения, никакого компромисса.

«Противоположность картезианского и немецкого философствования,—согласно Бему,—не может быть устранена ни с какой «высшей», третьей точки зрения, но вырастает в непримиримость никогда не укротимой вражды».

Что верно, то верно. Между улюлюканьем фашистских выродков и научным, теоретическим мышлением нет и не может быть никакого согласия, никакого примирения. Какая «высшая, третья точка зрения» может примирить борцов за свободу мысли с ее душителями, творцов современной культуры с ее разрушителями, благородных ревнителей мудрости с отребьем насильников и мародеров?

Расистские бредни, «противостоящие европейской философии нового времени», никак нельзя назвать и «немецким философствованием». Немецкое философствование от Лейбница до Гегеля—плоть от плоти «картезианства», его дальнейшее развитие, его расцвет. Немецкое философствование, создавшее славу и составившее величие немецкой духовной культуры, развернуло рационалистические, гуманистические и просветительные тенденции картезианства, тенденции, заложенные философией XVII—XVIII веков. Подлинное немецкое философствование в его фундаментальных исторических традициях является коренной противоположностью фашистского мракобесия, и противоположность эта действительно «вырастает в непримиримость никогда не укротимой вражды».

Факты настолько общеизвестны и так явно опровергают нелепое противопоставление немецкого философствования европейскому рационализму, что сами «мифотворцы» вынуждены признать, что «количественно, конечно, европейское мышление было господствующим на немецкой территории; крупнейшие «течения» и «школы» носили европейский, а не немецкий характер».

✓ Но какое дело фашистским молодчикам до действительной истории философии? Ведь по их собственному признанию «политическая история мировоззрений не стремится вовсе к объективному пониманию того, что было» (Бем), и «объективное понятие истории не должно существовать» (Розенберг). Какое им дело до того, что крупнейшие течения и школы немецкой философии на протяжении всей ее истории ничего общего не имели с тем, что они называют немецким философствованием?

«Гегель,—по уверению Бема,—будет для нас символом векового, преодоленного прошлого. Будучи концом и желая им быть, он во всем является философским антиподом нашего времени».

А Герпель заявляет еще прямолинейнее: «В общем и целом следует отвергнуть Гегеля в качестве фюрера к немецкой мудрости. Как интеллиlectualist и диалектик понятий, он находится в противоречии с националистическим мировоззрением. Кроме того, он

является дедушкой марксизма, как учитель еврея Карла Маркса, примыкавшего к Гегелю».

722 У фашистских варваров нет исторического наследства, нет исторических корней ни в историческом развитии европейской философии, ни в историческом развитии самой немецкой философии. Варвары—потому и варвары, что им чужды все культурно-исторические завоевания; потому, что все то, что взлелеяла человеческая культура, и в частности немецкая культура, для них—лишь объект разгрома и поругания. Они ставят себя вне культурных традиций человечества, вне культурных традиций Европы. Они противопоставляют себя Европе и всему европейскому, и в этом они правы: европейцами их можно назвать не с большим правом, чем саранчу, свирепствующую в Европе.

С разных сторон, разными путями фашистские «философы» ведут к одной цели—к отказу от всего акvizита более чем двухтысячелетнего развития европейской научной мысли, и реставрации донаучного, мифологического мировоззрения.

«Свергнуть разум с престола», лишить интеллект прерогатив «законодательного суверена» призывает Розенберг банды разрушителей культуры. Слепая воля, инстинкты, страсти, а не разум, не мысль, не логика должны повелевать действиями людей и народов. «Фюрер Германской империи,—утверждает Герпель,—подчеркивает и проповедует внутреннее переустройство, которое считает здоровой основой душевной жизни, то, что сообразно с волей, а не с интеллектом».

Не разумная воля, не воля, контролируемая разумом, а воля, противопоставленная разуму, послушная разнузданным страстям и животным инстинктам, провозглашается «законодательным сувереном». «Я подобен животному,—заявляет Муссолини.—Некий инстинкт руководит мною, и я вынужден следовать ему». «Я действую с уверенностью лунатика»,—говорит Гитлер. Зверьё, кровавые маниаки, они хотят свое бешенство сделать нормой человеческого поведения, масштабом жизнедеятельности, принципом мировоззрения.

«Поменьше культуры—побольше будет исторической силы»,—любят эти громады повторять афоризм черносотенца Лягарда. Для силы разрушительной, для силы, направленной на уничтожение всех ценностей, созданных усилиями миллионов, культура—только помеха, лишь препятствие для разнуздывания пещерных инстинктов. «Пробуждение мифических сил разрывает оболочку ставшей поверхностной культуры и снова высвобождает жизненные инстинкты становления»,—такова «философия» погромщиков.

«Ни идея прекрасного, ни идея научной истины, ни завет любви к ближнему не были для древних германцев освещающими их путь ценностями»,—поучает Шварц европейцев XX века. Вообще «pretензия духовной культуры на ведущую роль и безграничное распространение» является зловредным нововведением Просвещения.

«Национал-социализм, — свидетельствует Геббельс, — упростил ныне мышление немецкого народа и свел его к его примитивным первобытным формам».

«Космогонии и теогонии наших предков снова непосредственно заговорили в нас», — вопят фашистские мракобесы, — тех предков, которые некогда уничтожили античную культуру и на сотни лет ввергли Европу в мрак и одичание.

АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКОЕНАВИСТНИЧЕСТВА

Человеконенавистническая «экзистенциальная философия» — одно из наиболее влиятельных «академических» философских направлений в гитлеровской Германии. Если расизм — орудие массовой пропаганды человеконенавистничества, то «экзистенциализм» пропагандирует его в кругах «академической» интеллигенции.

Писания «экзистенциалистов» Гейдеггера, Ясперса и прочих обер-лакеев фашизма, несравненно больше напоминающие горячий бред, нежели литературные произведения, по содержанию своему отнюдь не оригинальны. Они воспроизводят и приспособляют к злободневным запросам немецких фашистов бывшую архиреакционной уже сто лет назад теологическую концепцию Кьеркегора. Датский обскурант, кликуша и психопат первой половины прошлого века Серен Кьеркегор, излюбленная мишень для насмешек современников, извлечен фашистскими «философами» с задворок истории философии.

Корень всех зол, по мнению Кьеркегора, в распространении рационализма и научного познания. «Если бы составлялись статистические таблицы роста потребления рассудка, подобно тому, как составляются таблицы потребления алкоголя, — писал Кьеркегор, — то мы пришли бы в изумление от того, как возросло его потребление в наше время».

Неверие, интеллектуализм, натурализм, просветительные идеи — вот что является, согласно Кьеркегору, тяжелым недугом человечества. Он ополчался против классического немецкого идеализма, и в особенности против философии Гегеля. Даже антигегельянские лекции престарелого Шеллинга, которые Кьеркегор слушал в Берлине, не удовлетворяли его. Против гегелевской логики нужны, по его мнению, более действенные противоядия.

Фанатический фидеизм пронизывает все мировоззрение Кьеркегора. Религия и философия несовместимы, — множество раз повторяет Кьеркегор. Вера не терпит доказательств. Доказывать веру — значит опровергать ее. Вера должна быть детской; лучшим доказательством истин веры является формула: «Это совершенно достоверно, ибо этому учил меня мой отец». Кьеркегор воскрешает пресловутый афоризм Тертуллиана: истинным предметом веры является для него «абсурд» — то, что не поддается разумению.

Объективной реальности нет места в философии Кьеркегора. Единственной реальностью для него является субъект, человеческое «существование».

«Существование» (*Existenz*)—центральная категория философии Кьеркегора. Под «существованием» он понимает человеческую жизнь, лишая при этом понятие «жизнь» всякого реального биологического содержания. «Существование», отождествляемое с субъективностью, противопоставляется Кьеркегором всякой объективности, материальному, чувственному бытию, которое выступает у него как чуждое, враждебное человеку. Человек заброшен в мир, и вся трагедия человека состоит в том, что ему приходится быть в мире, жить «подобно рыбе на суше». Материальный мир, с точки зрения «существования» как «истинной реальности», есть ничто.

Величие, знание, слава,
Дружба, наслаждение и добро —
Все это лишь ветер, лишь дым:
Вернее сказать—ничто —

таким эпиграфом начинает Кьеркегор одно из своих произведений.

Место логических категорий заступают у Кьеркегора: страх, отчаяние, парадокс, момент, решение, жертва.

Из привязанности к самому себе, составляющей, согласно Кьеркегору, сущность духовного существования, вырастает страх смерти—лейтмотив психологических и этических переживаний человека.

У Страх перед грядущим уничтожением, перед «днем, который некогда придет», владеет личностью. «Некогда я умру»—дамокловым мечом висит над человеком. Страх смерти возрастает вследствие неопределенности этого «некогда». «Когда? Может быть, завтра!»—приводит в отчаяние и вырастает в «болезнь смертью».

Страх смерти принимает у Кьеркегора маниакальный характер, граничащий с психопатологией. На этом страхе основывается у него религиозная вера—«парадокс» бесконечного «существования» конечного существа.

Вера, по Кьеркегору, глубоко коренится в душе человека, в вырастающем из самой сущности человека утверждении «моего бессмертия». Вера не может быть доказана, ибо тогда она уже не вера, а знание. Вера—дело свободной воли, решения. Кьеркегор объективному противопоставляет субъективное, знанию—веру, закономерности—индетерминизм, всеобщему—единичное.

Проповедь Кьеркегора не только антисоциальная, но и глубоко человеконенавистническая. «Если я прихожу к убеждению,—пишет он в своем дневнике (1851—1853),—что умирание необходимо, что быть любимым богом есть страдание и что любовь к богу тоже страдание,—тогда я обязан препятствовать также счастью всех остальных».

И знать того я чувства не хочу,
Которое зовут любовью люди ¹—

¹ Ибсен, Соч., т. I, 1909, стр. 146.

выражает у Ибсена Бранд антигуманистическую тенденцию этики Кьеркегора.

Гуманность — вот бессильное то слово,
Что стало лозунгом для всей земли¹.

Христианство должно быть не религией любви к людям, но религией любви к богу, жестокой и непримиримой. Оно должно рассматривать неверующих не как колеблющихся и заблудших, а как восставших против бога; не убеждать их следует, а беспощадно усмирять и карать.

Дипломированные лакеи германского фашизма рядаются в ветхое идеологическое тряпье кьеркегорьянства, извлеченное из мусорной ямы истории философии. Новоявленные пророки экзистенциализма Мартин Гейдеггер, Карл Ясперс и их многочисленные подпевалы нудно твердят зады кьеркегорьянства. Убогое содержание облечено в произведения Кьеркегора в пестрый, яркий литературный наряд. Гейдеггер переводит его на свой эпилептический язык. Его литературная страпня — философическая абракадабра, изуродованные, вывихнутые слова, словно прошедшие сквозь пытки гестапо. То же жалкое фидеистическое содержание Ясперс окутывает непроницаемой дымовой завесой псевдоучености; его пухлые писания — нудный, нескончаемый поток мутного реакционного пустословия.

Гейдеггер и Ясперс стараются оставаться в туманных сферах абстракций, уклоняются от прямой, конкретно-политической расшифровки своих учений; государственный советник «Третьей империи», фашистский «профессор» Карл Шмитт переносит экзистенциальные бредни в политико-правовую область.

Шмиттовская концепция «политического» представляет собой апологию войны и террора. Это призыв к агрессии, к кровавой борьбе за господство над миром.

«Всякое политическое понятие, — заявляет Шмитт, — является полемическим понятием. Оно имеет в виду политического врага и определяется... своим врагом». Главным признаком «политического», согласно Шмитту, является объединение на почве борьбы с общим врагом (Freund-Feindgruppierung), вражда к которому достигает крайней интенсивности. Враг при этом понимается «экзистенциально»: вражда-де не является продуктом объективных антагонистических социальных отношений, а, наоборот, сами эти отношения — порождение вражды, коренящейся в духовной субстанции людей. «Понятия «друг», «враг», «борьба» получают свой реальный смысл благодаря тому, что они в особенности направлены на реальную возможность физического умерщвления... Война — лишь предельная реализация вражды», ultima ratio (последнее основание) политики.

¹ Ибсен, Соч., т. I, 1909, стр. 161.

Усиливая кьеркегоровское жизне- и человеконенавистничество, нынешние экзистенциалисты используют его фидеизм вместо обоснования христианства для обоснования «немецкой религии», для обожествления «фюрера» и его культа крови и насилия, для проповеди новой «веры», веры в снаряды и бомбы.

Мотив *страха*, являющийся центральной темой всей философии экзистенциализма, как нельзя более отвечает идеологическим требованиям фашизма. Во-первых, потому, что устрашение является для фашистов основным *методом* психологического воздействия. «Мир,—заявил Гитлер своему бывшему сподвижнику Раушнингу,—может быть управляем только страхом». Во-вторых, потому, что страх является важнейшим переживанием самих этих бандитов-авантюристов.

Экзистенциализм является «философией», основанной на чувстве страха и на методе устрашения.

Наряду с чувством страха, возводимым экзистенциалистами в ранг основоположной философской категории, в центре их философствования находятся «категории» «беспокойства» (или «заботы») и «вины». Чувства «беспокойства», «вины», страх перед неизбежностью небытия составляют определяющее содержание человеческого «существования».

Фашистский «экзистенциализм»—мистифицированная психопатология «нечистой совести», психология преступника, одержимого страхом, от которого он никуда не может уйти, от которого избавиться его может только *смерть* (также одна из центральных «категорий» экзистенциализма).

Для проповедников экзистенциализма жизнь—мучительный кошмар. Жизнеутверждающему миропониманию, творческой, созидательной жизни как высшему благу противопоставляется мизантропическая «жизнь к смерти».

Внешний мир, реальная действительность, объективная закономерность природы и истории воспринимаются по самому существу своему как чуждые, враждебные «существованию», «страшные». Противопоставление «существования» (в специфическом, уродливом смысле, придаваемом этому понятию экзистенциалистами) «бытию» красной нитью проходит через все их писания. Человек «заброшен» в бытие. Отсюда «страх» и «беспокойство» как основные формы его отношения к бытию.

С исключительной наглядностью выражена в фашистском «экзистенциализме» авантюристская сущность фашизма: предчувствие исторической обреченности, сопровождаемое игрой ва-банк.

Экзистенциальное кликушество как нельзя более созвучно авантюристической природе фашизма. «Беспочвенная пустота Ничто», трагические образы «Судьбы» и «Будущего», тождественных со «Смертью», с неустрашимостью навязчивых идей преследуют читателей экзистенциалистских писаний. На фоне этой идеологии обре-

ченных истерически, маниакально звучат волюнтаристические мотивы экзистенциализма. Учения о «решающем мгновении», о «прыжке», культ «жертвы» проникнуты глубокой безысходностью и авантюризмом отчаяния. Это не действительность, опирающаяся на познание объективной закономерности, не оптимистическая активность, основанная на соответствии историческому ходу вещей, а ее прямая противоположность—судороги утопающего, цепкая хватка конвульсий, последняя ставка шулера.

* * *

Одной из «многочисленных заслуг» книги Шпенглера «Закат Европы» Меллер ван ден Брук считает «окончательное устранение Шпенглером *идеи прогресса*. В этой связи Меллер рекомендует вспомнить о Гердере, «чтобы проследить чреватое последствиями развитие, которое проделала на протяжении полутора столетий историческая идея прогресса». «Логика убеждает нас в прогрессе, но история опровергает его».

Глядя на историю немецкой идеологии от Гердера до Шпенглера и Меллера, действительно нельзя не согласиться, что *эта* история никак не говорит в пользу прогресса. От величественной картины исторического прогресса, начерченной Гердером в «Идеях к философии истории человечества», до кривляний фашистских пасквильентов—какое крутое падение, какое жалкое вырождение!

«Политическая история,—вещает Ганс Фрейер,—не развивается. Она есть дело, подвиг, переживание».

«Политическая история мировоззрений,—вторит ему Франц Бем,—не знает никакого движения вперед».

«Прогресс—иллюзия. История совершается путем самопроизвольного зарождения». Это—Меллер.

«Понятие прогресса,—заявляет венский расист и антидарвинист Менгин,—является, таким образом, лишь утопией, выросшей на почве материалистического образа мысли». «Развитие» допускается Менгином лишь в смысле «преобразования», но отнюдь не «улучшения», прогресса.

«Идеал человеческого прогресса,—обобщает И. Тиссен,—есть детище оптимистической, верующей в разум эпохи Просвещения» и, стало быть, должен быть отброшен; это плебейская, «пролетарская» идея.

В применении к области воспитания, формирования сознания новых поколений, отказ от идеи развития означает, что «всякая педагогика, основанная на принципе совершенствования, должна быть отвергнута» (Цейчель). «Не... развития индивидуальных способностей и сил и не передачи всех мыслимых образовательных и культурных ценностей» требует воспитание «идеального» фашистского мерзавца, а лишь вколачивание ему «умонастроения преданности и готовности к жертвенному деянию»—собачьей верности

фашистским заправилам и тупой готовности к любым преступлениям и злодеяниям.

Идея прогресса, идея развития—это величайшее историческое завоевание философии, идея, разработка которой составила славу немецкой просветительной и диалектической философии,—чужда и ненавистна фашистским ублюдкам. «Целое, как целое, всегда совершенно и не нуждается в развитии»,—утверждает Цейчель. Вандализм искоренителей прогресса и злейших врагов развития несовместим с этими светозарными идеями. Свобода, человечность, прогресс были факелами, освещающими исторический путь вперед; фашистский путь к варварству освещают костры инквизиции и пожары мирных городов и сел.

Жесточайшая реакция, безудержная ретроградность, возврат к мрачному доисторическому быту, который люди в своем прогрессивном движении оставили далеко позади себя,—символ веры тевтонских орд Гитлера.

Истощенный вой несется со страниц всех фашистских писаний: «Назад! От культурных традиций великих немецких философов-рационалистов—Канта, Фихте и Гегеля!

Назад! От культурных достижений просветительной философии XVIII века!

Дальше назад! От культурных завоеваний основоположников науки и философии нового времени—от Декарта, Спинозы, Лейбница!

Еще назад! К мрачным годам средневековья!

Мало! К варварству мифотворческих времен, к атавизму доисторических веков!

Назад! назад! К каннибализму, к пещерному, звериному быту, к хищничеству обитателей джунглей!..»

Фашизм черным позором покрыл имя германского народа. Это позорное пятно может быть смыто только кровью фашистских извергов.

Годы фашистских злодеяний войдут постыдной, омерзительной страницей в историю XX века. Но чем гнуснее, чем чудовищнее эти злодеяния, тем беспощаднее сметет человечество фашистскую гадину со своего исторического пути. Величественными и благородными подвигами украсят историю славные борцы против фашизма, красноречивые рыцари передового, прогрессивного человечества.

История победы над фашизмом будет «Песнью песней» культуры, разума и прогресса.

СОДЕРЖАНИЕ

I. В ПОИСКАХ ПРЕДКОВ	1
II. НИЦШЕ И «НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ»	10
III. ДИПЛОМИРОВАННЫЕ ЛАКЕИ ФАШИЗМА	27
Апология обмана	29
Апология мракобесия	31
Апология человеконенавистничества	35

Редактор Я. Мильнер.

Подписано в печать 17 марта 1943 г. А 342. Тираж 30000 экз. Зак. 814;
Объем 2³/₄ п. л. Цена 75 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.